

А. О. Победоносцева-Кая
Советское курдоведение:
от изучения культуры к культурному
и политическому строительству

Победоносцева-Кая Анжелика Олеговна, Санкт-Петербургский государственный университет (С.-Петербург), Восточный факультет, кафедра истории стран Ближнего Востока, старший преподаватель, кандидат исторических наук; apobedonostseva@gmail.com; a.pobedonostseva@spbu.ru

Курдское население Российской империи включало курдов-мусульман Закавказья и Туркмении, закавказских езидов. Так как большинство курдов придерживается мусульманского вероисповедания, то их изучение в Российской империи и в начале советской эпохи мало чем отличалось от изучения прочих мусульманских сообществ. Длительная религиозная изоляция и гонения отделили езидов от остального мира. Вследствие низкого социального статуса они рассматривались большевиками как социум, более способный усвоить новую идеологию марксизма.

Стремясь к преодолению наследия империи, советская власть после 1917 г. ставила перед собой новые ориентиры в области внешней и внутренней политики. Особым направлением в первые десятилетия ее существования стало интенсивное развитие национальной идентичности нерусских народов СССР, что включало в числе прочего подготовку национальных кадров, выстраивание современной образовательной и культурной инфраструктур и обеспечение каждой из этнических групп СССР определенным набором современных культурных институций и продуктов.

Марксистская идеология послужила основой для яфетической теории Н.Я. Марра, разрабатывавшейся во вновь созданных или реорганизованных научных учреждениях и делавшей акцент на языках угнетенных групп. Благодаря необычным марровским начинаниям, был дан старт проектам, посвященным истории, литературе, языку, культуре и религии «отсталых» народов СССР, в частности, курдов. В этой связи ученик Н.Я. Марра О. Вильчевский был вовлечен в различные курдоведческие проекты.

Ключевые слова: курды, езиды, материальная культура, культурное строительство, курдский язык, курдский фольклор, СССР.

Советская политика была направлена на систематическое развитие национальной идентичности и национального самосознания нерусских народов СССР в соответствии с тезисом И. В. Сталина о национальных культурах, «социалистических по содержанию, национальных по форме»¹. Особое внимание уделялось повышению определенных культурных показателей «культурно отсталых» национальностей и нацменьшинств². К ним относились и курды по причине не только отсутствия у них своего письменного языка, но и низкого уровня грамотности на других языках. Для обеспечения развития курдской культуры советское государство нуждалось в соответствующей экспертной базе. Некоторые представители дореволюционного российского востоковедения нашли себе применение на этом поприще, в том числе благодаря своим радикальным и спорным концепциям.

Наиболее ярким представителем этой когорты ученых является Н. Я. Марр (1865–1934), сыгравший значительную роль в развитии целого ряда научных дисциплин. Несмотря на конфликты, связанные с выдвинутой им так называемой яфетической теорией, лингвистическое чутье и энтузиазм Марра сделали его авторитетом в сфере языковой типологии и социолингвистики, а также в применении сравнительно-исторического подхода. Благодаря необычным марровским начинаниям был дан старт проектам, посвященным истории, литературе, языку, культуре и религии «отсталых» народов СССР, в частности, курдов.

Курды интересовали Марра как носители самобытной культуры иранского происхождения, а потому он отвергал бытовавшие в европейской науке того времени концепции генезиса курдов и их языка. Согласно этим концепциям, «иранское происхождение курдов считается недоказанным и даже берется под сомнение возможность его доказательства, язык же курдский безоговорочно зачисляется в иранские диалекты»³.

Курдское население Российской империи и СССР включало курдов-мусульман Закавказья и Туркмении, закавказских езидов. Так как большинство курдов придерживается мусульманского вероисповедания, то их изучение в Российской империи и в начале советской эпохи мало отличалось от изучения прочих мусульманских сообществ. Произошедшая в условиях социальных катаклизмов начала XX в. ломка устоявшихся взаимоотношений «центра – периферии» создала новые возможности для изучения езидов.

Сначала война превратила места их проживания из отдаленной окраины огромной империи в важный участок фронта Первой мировой войны. Затем, преодолевая наследие империи и выдвигая лозунги универсальной эмансипации, новая власть продолжила ломку устоявшейся имперской географии и социальной иерархии, сделав ставку на многочисленные маргинализованные меньшинства. Езиды во многих отношениях вписывались в эти концепции советской администрации.

Большинство езидов проживало в горных районах Курдистана, в пограничных областях Турции, Сирии и Ирака. Чаще всего по этническому признаку их причисляют к курдам: они жили на тех же землях и говорили на тех же языках, но отличались по религиозной принадлежности, социально-экономическому и политическому укладам. Преобладание устной традиции и отсутствие письменности привлекли к езидам интерес исследователей первобытного общества. Закрывшиеся от остального мира вследствие длительных религиозных гонений езиды из-за их низкого социального статуса рассматривались большевиками как социум, более способный усвоить новую идеологию марксизма, которая стала основой для яфетической теории Марра, делавшей упор на языки угнетенных групп. Именно в этом контексте ученик Марра, выдающийся советский востоковед Олег Людвигович Вильчевский (1902–1964) оказался вовлечен в различные курдоведческие проекты, которые поддерживал Марр в 1920–1930-х гг., и стал основателем советского курдоведения. По словам коллеги Вильчевского И. И. Цукермана, «Марр был для нас щитом, под прикрытием которого мы могли заниматься тем, чем хотели»⁴. Дело, безусловно, не ограничивалось культурой: как отмечал известный курдский политик, бывший президент Ирака Джалал Талабани, именно Вильчевский в 1940-х гг. сыграл решающую роль в разработке советской внешней политики относительно ближневосточных курдов⁵, в частности, в создании в 1946 г. первого современного курдского государства – Мехабадской республики.

Путь Вильчевского на вершины востоковедной науки и восточной политики начинался с получения образования в Ленинградском Восточном институте (1921–1924) и в Ленинградском государственном университете (1924–1938). В 1929–1932 гг. Вильчевский обучался в аспирантуре АН СССР и под руководством Н. Я. Марра занимался проблемами строя и классификации персидского языка, а по окончании аспирантуры по представлению своего наставника был зачислен на должность научного сотрудника Института языка и мышления АН СССР. В рамках этих учреждений Вильчевский занимался широким кругом тем в областях лингвисти-

ки, этнографии, фольклора, религиоведения, экономики, истории, литературы, опубликовав в 1920–1930-х гг. более 15 работ. Благодаря государственной поддержке идей Марра Вильчевский проводил полевые исследования в населенных курдами районах СССР – Азербайджане, Армении, Грузии и Туркмении⁶.

К десятилетию Октябрьской революции, празднование которого, по мнению Ф. Хирш, способствовало активизации этнографических исследований⁷, было реализовано множество полевых экспедиций, включая первую поездку Вильчевского в Армению, оказавшую большое влияние на развитие отечественного курдоведения. Помимо решения этнографических задач (приобретения предметов материальной культуры и записи от информантов из езидских общин Армении и Ирака священных езидских текстов), исследователь занимался и административными вопросами: при Ленинградском Восточном институте была создана подготовительная группа курдов⁸, которой Вильчевский впоследствии преподавал курдский и русский языки, причем в ней оказался будущий видный курдовед К. К. Курдоев.

Во время очередной командировки в 1930 г. О. Вильчевский познакомился и начал сотрудничать с езидским шейхом, ответственным инструктором ЦК КП(б) Армении А. Ш. Шамиловым, в результате чего был составлен обширный план подготовки курдских специалистов в Армении. Также Вильчевский принял участие в работе комитета по созданию курдского алфавита на основе латиницы, в разработке плана издательства книг на курдском и других языках⁹.

Оба ученых занялись формированием части предусмотренных советской модернизацией «культурных норм» для курдов в качестве предпосылки построения у них социализма. Ярким примером служат произведения о советских руководителях, создававшиеся в литературе всех советских народов ведущими литераторами либо в качестве произведений «народного творчества». Произведения данного жанра на *курманджи* – самом распространенном диалекте курдского языка – о В. И. Ленине, И. В. Сталине, С. М. Буденном и С. М. Кирове, вероятно, принадлежали творческому союзу Вильчевского и Шамилова, обладавшими уникальным сочетанием необходимых компетенций и способностей¹⁰. Увлечение Вильчевского в студенческие годы поэзией, вступление его во Всероссийский союз поэтов в 1924 г. и проводившиеся исследования в области курдской и персидской поэзии, а также езидских текстов позволили молодому ученому добиться нужной стилизации. Несмотря на то, что автором публикаций являлся О. Вильчевский, А. Шамилов сыграл в них важную роль негласного соавтора и полевого исследова-

дователя благодаря тому, что в 1934–1936 гг. регулярно выезжал в Армению для сбора этнографического материала¹¹.

Вильчевский, как и многие его коллеги, принимал участие в поисках и развитии элементов национальных культур, необходимых для реализации принципа национальной формы и социалистического содержания, а порой и сам участвовал в конструировании «культурных норм» и советского фольклора¹². Опираясь на концепцию «культурных норм», Д. Хофман показал, как развитие определенного набора культурных институций и продуктов для различных этнических групп в СССР сталинского времени рассматривалось в качестве неперемennого условия достижения социализма. Конкретный «набор» зависел от величины этнической группы и ее статуса¹³. При существенном культурном отставании и ограниченности ресурсов культурное строительство, которое ставило задачи высвобождения творческих сил и инициативы масс, – зачастую сводилось к применению директивных методов для их развития и вело к формализму.

¹ Сталин И. В. О национальном вопросе и национальной культуре // Культура и письменность Востока. Л.: Гос. академия истории материальной культуры, 1931. Кн. 7–8. С. 5–13.

² Егоров И. Национальные кадры культурного строительства // Национально-культурное строительство в третьем, решающем году пятилетки / Сост. Н. Ф. Скачков. 1932. С. 55.

³ Вильчевский О. Л. Н. Я. Марр и курдоведение // Язык и мышление. М.: Институт языкознания АН СССР, 1937. Т. VIII. С. 218.

⁴ Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 28.

⁵ Talabani J. Mudhakirāt al-rayis Jalāl Tālabāni; rihlatu sittūn ‘aman min jibali Kurdistan ila qasri al-Salām. al-Dār al-‘arabiyyat li-l-‘ulūm nāširūn, 2018. S. 63.

⁶ СПб РАН. Филиал архива (СПбФ АРАН). Ф. 77. Оп. 2. Д. 5. Л. 44–44 об.

⁷ Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: НЛЮ, 2022. С. 272.

⁸ Северный факультет Ленинградского восточного института был создан для народов Севера, потом туда взяли абхазцев и курдов (см.: Государственный архив РФ. Ф. Р3316. Оп. 20. Д. 118. Л. 1–3).

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 79. Л. 47.

¹⁰ Вильчевский О. Л.: 1) Октябрь в курдском фольклоре. Песня о Буденном // Советский фольклор. 1936. № 2–3. С. 87–92; 2) Курдские песни о Сталине и Кирове // Там же. 1936. № 4–5. С. 77–88.

¹¹ Творчество народов СССР / Под ред. А. М. Горького, Л. З. Мехлиса. М., 1938.

¹² Советский фольклор в начале 1930-х гг. был включен в предметную область советской этнографии (см.: Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: НЛЮ, 2022. С. 359).

¹³ Hoffmann D.L. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941*. Cornell University Press, 2018.

UDC: 398, 93/94

A. O. Pobedonostseva-Kaya

Soviet Kurdish Studies: from Culture
Research to Culture and Policy Building

Pobedonostseva-Kaya Angelika Olegovna, The Saint-Petersburg State University (St. Petersburg), Faculty of Asian and African Studies, the Department of History of the Middle East, senior lecturer, Ph. D. (History); apobedonostseva@gmail.com; a.pobedonostseva@spbu.ru

The Kurdish population of the Russian Empire included Muslim Kurds of the Trans-Caucasus and Turkmenia as well as Trans-Caucasus Yazids. Because Kurds are mostly Muslim, their study in the Russian Empire and the early soviet age bore little difference from studies of other Muslim communities. Lengthy religious isolation and persecution separated the Yazidi people from the rest of the world. Due to their low social status, the bolsheviks viewed them as an audience that would be exceptionally receptive to the new Marxist ideology.

Focused on overcoming their imperial past, the Soviet government started setting up new goals in their domestic and foreign policy after 1917. A special place in it belonged to developing national identity in non-Russian USSR ethnicities, including training ethnic professionals, setting up modern infrastructure for education and culture and providing each of the ethnic groups with a certain set of up-to-date cultural institutions and products.

The Marxist ideology formed the basis for N. Marr's new Japhetic theory that was developed in new or reorganized research institutions and emphasized oppressed peoples' languages. Marr's unorthodox initiatives jumpstarted a number of projects focused on history, literature, language, culture and religion of "underdeveloped" peoples such as the Kurds. In that context, O. Vilchevsky, one of N. Marr's students, was involved in a variety of Kurdish studies-related projects.

Keywords: the Kurds, Yazidi, material culture, culture building, the kurdish language, the kurdish folklore, the USSR.